

Научная статья
УДК 008.001 + 009:39 + 130.2
<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-25-33>

ЭТОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В РАССКАЗЕ А. ГРИНА «ЗАГАДКА ПРЕДВИДЕННОЙ СМЕРТИ»: ИМАГИНАТИВНАЯ АПОФАТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Марианна Андреевна Дударева¹, Наталья Зиновьевна Кольцова²

¹ Шуйский филиал Ивановского государственного университета, Шуя, Россия;
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
marianna.galieva@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-4950-2322>

² МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Koltsovaru@rambler.ru

Аннотация. Объектом статьи выступает рассказ А. Грина «Загадка предвиденной смерти». Предметом статьи является апофатическая составляющая художественной культуры, связанная в русском варианте логоцентризма с Танатосом. Методология исследования сводится к использованию онтогерменевтического метода анализа произведения, который позволяет выявить онтологический план рассказа Грина. Большое внимание уделено этосу жизни и смерти, художественному имажинативному проживанию

реальности главным героем. Смерть в рассматриваемом рассказе носит амбивалентный характер: она антропологична, на что указывает повторяющийся образ шеи на плахе, и одновременно апофатична, на что указывает затемненный конец рассказа, недоумение ученых-скептиков относительно основного события в произведении, а именно казни главного героя. В этой связи оказывается продуктивным обращение к антропософскому учению Р. Штейнера, захватившему в начале XX в. лучшие умы России. Близкий друг Грина, сосед по «Киммерии», М. Волошин был последователем немецкого философа и антропософа, в учении которого находим размышления о проживании человеком смерти наяву, в имажинативном аспекте. Результаты исследования: в рассказе Грина представлено подробное имажинативное проживание смерти, позволяющее поставить вопрос об антропософском учении, которое косвенно выражается в произведении, укладываемом в рамки русской апофатической художественной традиции. Ставим вопрос также об апофатической составляющей русской художественной культуры, танатологический опыт которой сегодня может помочь в преодолении кризисных состояний. Полученные результаты могут быть интересны как филологам, так и культурологам, также могут быть использованы в курсах по истории русской литературы.

Ключевые слова: антропософия, апофатическая традиция, поэтика А. Грина, М. Волошин, этос, моральный подтекст, онтология

Для цитирования: Дударева М.А. Этосы жизни и смерти в рассказах А. Грина «Загадка предвиденной смерти»: имажинативная апофатическая реальность / М.А. Дударева, Н.З. Кольцова // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 1. — С. 25–33. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-25-33>

LIFE AND DEATH ETHOSES IN THE SHORT STORY *THE MYSTERY OF FORESEEN DEATH* BY ALEKSANDR GRIN: IMAGINATIVE APOPHATIC REALITY

Marianna A. Dudareva¹, Natalia Z. Koltsova²

¹ Shuya Branch of Ivanovo State University, Shuya, Russia;
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russia
marianna.galieva@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-4950-2322>

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Koltsovaru@rambler.ru

Abstract. The paper is dedicated to the issue of the apophatic component of artistic culture associated with Thanatos that is developed in the literature oeuvre of Aleksandr Grin. Setting Grin's short story *The Mystery of Foreseen Death* as the research object, this text seeks to provide insight into the image of death and the examination of its spiritual and material manifestations that reflected the logocentric approach that was then popular among the Russian thinkers. To pursue this aim, the methodology of this study should allow identifying the ontological perspective of Grin's story. Thus, the methodological foundations embrace the onto-hermeneutic approach to the analysis of literary work. In revealing the ontological dimension of the story much attention is paid to the ethos of life and death, the protagonist's artistic imaginative experience of reality. In the story under study death is ambivalent: it is bodily, anthropological, as indicated by the repetitive image of neck on the execution block. At the same time, it is apophatic, as indicated by the darkened end of the story, the bewilderment of skeptical scientists that arose because of the main event of the story, namely the protagonist's execution. In this regard, it appears to be effective to consider the anthroposophical thought of Rudolf Steiner that was absorbed by a large part of Russian intelligentsia at the beginning of the 20th century. This doctrine stresses the reflections on a person's experience of death in reality. The imaginative aspect of anthroposophism was developed by Grin's close friend, a neighbor in Crimean Cimmeria, Maximilian Voloshin, a disciple of the teachings of Steiner. The conclusions that can be drawn from the study are as follows: Grin's story presents a detailed imaginative death experience, which makes it possible to raise the issue of it being part of the broader anthroposophical teaching. *The Mystery of Foreseen Death* indirectly expresses the Steinerian ideas and at the same time it fits into the framework of the Russian apophatic artistic tradition. The article also raises the issue of the apophatic component of Russian artistic culture, the thanatological experience of which can help in overcoming crisis situations nowadays. The findings of the research, in this way, can have an effect on better understanding in several fields: in literature studies (philology), in the history of Russian literature, in cultural studies and in philosophy.

Keywords: anthroposophy, apophatic tradition, Aleksandr Grin's poetics, Maximilian Voloshin, ethos, mortal subtext, ontology

For citation: Dudareva, M. A., Koltsova, N. Z. (2021) 'Life and Death Ethoses in the Short Story *The Mystery of Foreseen Death* by Aleksandr Grin: Imaginative Apophatic Reality', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(1), pp. 25–33. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-25-33>

Введение

В гуманитарной науке в разных исследовательских парадигмах в последнее время все больше появляется работ, посвященных апофатике культуры¹ [Марьон, 2010; Брагинская, Шмаина-Великанова, 2013], литературы [Энгстрем, 2010; Татарина, 2011; Елепова, 2012; Исупов, 2018; Dudareva, 2019; Дударева, 2020], науки [Грачев, 2019; Гуревич, Спирина, 2019]. Апофатика — древнее понятие, связанное в античности с познанием божественной природы через отрицание любых предикатов как неверных или частично ложных, — сегодня иррадирует в научную философскую парадигму и сопряжено с постижением феномена смерти [Варава, 2013] как ценности культуры. Сегодняшний день, характеризующийся напряженной работой социальных институтов смерти, вызванной распространением коронавирусной инфекции, танатологичен и апофатичен. В этой связи танатологический художественный опыт может быть особенно продуктивен сегодня, поскольку в искусстве важен «позавчерашний» день, и в эоническом плане конец Нового времени нам онтологически ближе, чем день сегодняшний: в искусстве, по мысли И. П. Смирнова и А. М. Панченко, важен элемент современности, которое носит продуктивный творческий характер [Панченко, Смирнов, 1971: 33]. Объектом статьи выступает рассказ А. Грина «Загадка предвиденной смер-

ти», предметом исследования служит апофатика как культурная парадигма русской словесности, связанная в отечественном варианте логоцентризма с этосом смерти. Под этосом, вслед за М. Хайдеггером [Хайдеггер, 1993: 214–215] и В. П. Океанским в российской научной школе, понимаем *населенную вселенную*, место пребывания, жилище [Океанский, 2011: 127].

Материалы и методы.

Имагинация смерти в рассказе Грина

Существенный вклад в разработку апофатики отечественной словесной культуры внесла своими исследованиями М. Ю. Михайлова. Для настоящей статьи важны следующие положения из ее трудов. Семантика невыразимого, актуальная для русской художественной культуры, может проявляться на разных её уровнях: «...наименьшей единицей реализации семантики невыразимого является высказывание, наибольшей — текст»². Например, обращаясь к особенностям заглавий коротких рассказов конца Нового времени (Горький, «Наваждение»; Короленко, «Не страшное»; Платонов, «Невозможное»; Бунин, «Несрочная весна»), легко выявить заложенный в них *апофатический принцип*, который иррадирует во весь текст. В своей небольшой брошюре, посвященной поэтике заглавия, С. Кржижановский пишет об особом заглавии типа *Ante-scriptum* (то есть предваряющее, провоцирующее текст) [Кржижановский, 1931: 22]. С та-

¹ Михайлова М.Ю. Семантика невыразимого и средства её передачи в русском языке : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Михайлова Марина Юрьевна; [Место защиты: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный университет»]. — Уфа, 2017. — 322 с.; Проектный философский словарь : Новые термины и понятия / Под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. — Санкт-Петербург : Алетей, 2003 — 512 с.

² Михайлова, 2017, с. 197.

ким же апофатическим эффектом, только с обратным коррелятом, сталкиваемся в рассказе А. Грина «Загадка предвиденной смерти».

У Грина в поэтике развита система оксюморонных образов³, и в этом рассказе в самом заглавии это также реализовано: загадка должна до определенного момента оставаться *тайной*, в этом её онтологическое значение, а здесь смерть «предвиденная», значит, заранее узнанная и *познанная*. Однако это противоречие носит поверхностный характер, поскольку смерть априори непостижима для людей профанного сознания, или, как говорят апофатики, *дневного сознания* (разделяют «дневное» поверхностное и «ночное» подкорковое сознание, связанное с постижением ноуменального мира⁴). В рассказе Грина смерть *процессуальна*, но не как у Л. Н. Толстого в повести «Смерть Ивана Ильича» или Ф. М. Достоевского в романе «Идиот». У последнего нас интересует в романе известная сцена смерти перед казнью, которая преподнесена в морально-этическом аспекте, и во главу угла поставлен вопрос «Как прожить эти последние минуты жизни?». «А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот, что вот знаешь наверно ... вот сейчас — душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что *наверно*» [Достоевский, 1957: 26], — размышляет князь Мышкин. Для героя Грина же, напротив, важен *момент* смерти, а не минуты до него, и главная боль в том, что *представление о смерти* не совпадет с самим моментом смерти: «Накануне казни, встав рано, Эбергайль, как уже сказано, ясно почувствовал медленно входящий в его шею топор. <...> Когда он думал об этом, ему было менее страшно и беспокояно, чем в минуты бессилия овладеть упорно повторяемым представлением» [Грин, 1965: 445].

У Грина смерть проживает герой-художник наяву, имажинативно, преждев-

ременно, и это ценно в онтологическом и аксиологическом аспектах. Он и человека, выходящего от жены, убивает как художник: «Я очень долго обдумывал это. Я был уверен, что он, выходя от моей жены и увидев меня с револьвером, сделает шаг назад, раскрыв рот. Затем он должен был закрыться рукой снизу вверх. В следующий момент я выстрелю ниже его локтя два раза, зная, что скажу: “а-га!” и он попытается, затем упадет сам, нарочно притворяясь убитым, чтобы избежать новых выстрелов, но, падая, умрет через пять секунд» [Грин, 1965: 446]. Важен сам переход, этот танатологизированный процесс. С одной стороны, герой боится смерти, как все обычные люди, с другой стороны, в нем спит творец, который повседневность превращает в искусство и становится на позиции *ad realiora*. Смерть — реальнее. Таким видением (имажинативным) был наделен Гете, по мысли антропософа Р. Штейнера, описывавшего в своих лекциях «орган для идеального» [Штейнер, 2011: 134]. Герой Грина настолько напряжен, что находится на грани *безумия*: «Чудовищная впечатлительность Эбергайля поднялась в последний день его жизни на такую высоту, с какой смотрит разум, стоящий на границе безумия. Утром он пробудился с явственным ощущением топора, касающегося его шеи» [Грин, 1965: 444]. Но эта *точка безумия*, как у О. Мандельштама, становится точкой прозрения («Может быть, это точка безумия // Может быть, это совесть твоя» [Мандельштам, 2009: 235]).

XX в., находясь в поисках физического бессмертия, принимающего иногда абсурдные формы (коллективное воскрешение Ленина большевиками-богостроителями [Масинг-Делич, 2020: 34]), пошел по пути *десакрализации* смерти, и смерть стала «дальней», по определению Ф. Арьеса [Арьес, 1992: 273]. В рассказе смерть, с одной стороны, показана в гипертрофированно антропологичном виде (повторяющееся «шея и топор»), с другой стороны,

³ Дикова Т.Ю. Рассказы Александра Грина 1920-х годов : Поэтика оксюморона : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01. — Екатеринбург, 1996. — 245 с.

⁴ Тростников В. Апофатика — основной метод науки XXI века // Православие.Ru. — 2000. — 6 янв. — URL: <https://pravoslavie.ru/736.html> (дата обращения: 4.01.21).

при всей внешней понятности процесса казни, она остается апофатичной, то есть непостижимой для навещающего заключенного скептика-ученого, академика Коломба, и фельетониста: «Эбергайл — великий стигматик. — Прекрасно! — проговорил, выходя из кофейни, через некоторое время, Консейль. — Я осрамлю вас завтра, Коломб, в газете, как восхитительного ученого!» [Грин, 1965: 450]. По их мнению, Эбергайля все-таки казнили, палач ослушался и опустил топор, но *сотериологически*, как ни странно, никак иначе, кроме как смертью, не мог разрешиться рассказ Грина, укладывающийся в традицию восхождения по *духовной лестнице*. У его современника и друга, соседа по «Киммерии» М. Волошина есть цикл «Руанский собор», который примечателен для нас своими частями «Стигматы», «Смерть», «Погребень», «Воскресенье», в которых отразилась идея горного восхождения духа [Палачева, 2005: 61]. Кроме того, цикл, состоящий из двух частей, был опубликован в 1907 г. в журнале «Перевал», что предвосхищает гриновский рассказ, датированный 1914 г. При том что отношения между «певцом Киммерии» и «крымским отшельником» сложно назвать равными, два художника — при всей разнице их характеров — явно были интересны друг другу (и эта жажда общения закреплена народными топонимами: до сих пор существует так называемая *тропа Грина*, идущая из Коктебеля в Старый Крым, — это дорога, по которой Грин хаживал в дом Волошина, который одновременно и пугал его суетой, и, очевидно, притягивал — вероятно, возможностью общения не столько с многочисленными гостями, сколько прежде всего с хозяином). Можно предположить, что именно благодаря этому общению в рассказе Грина появляются упоминания о стигматах — как тот «гетевский след», о котором шла речь выше, — *имагинативное видение*, некое сверхзнание, «чувственное» постижение смерти.

Стигматы, исходя из апофатических христианских представлений, приобщают человека через боль к страданию в высшем смысле. Однако проживание смерти, которое испытывает Эбергайл, важно не

только и, может быть, даже не столько для него самого, сколько для ученого-скептика Коломба, чье отношение к ирреальному, мистическому и, наконец, смерти изменяется после приобщения к апофатике жизни (и смерти) заключенного: «Палач не ударил. <...> Голова упала сама» [Грин, 1965: 449–450]. Коломб называет заключенного *великим стигматиком*, что характеризует Эбергайля как человека, метафизически приобщенного к непостижимому. В темнице за день до казни он проживает, говоря эзотерическим антропософским языком, свою смерть в имажинации, встречается со своим *вторым человеком*. Р. Штейнер, антропософское учение которого повлияло на многих представителей Серебряного века, в частности на М. Волошина [Пинаев, 2009], в своих лекциях дает подробное представление о переходе человека в посмертное состояние: «...между смертью и новым рождением мы проникаем своим взором в тайны — в мистерии — самого человека. Сокровенное нашего собственного организма и составляет содержание переживаемого человеком в этот период времени» [Штайнер, 2019: 146]. В рассказе Грина мы также наблюдаем подробный переход Эбергайля в другое состояние, который выражен через описание его внутренних органов: «Эбергайл нащупывал и спрашивал мыслью все свое тело, все части и органы его и даже процессы органов... <...> Он мог ясно вообразить себя в себе, чем угодно ...» [Грин, 1965: 445]. У Волошина в части «Погребень» мы сталкиваемся с подобным состоянием — проживанием и переживанием (имагинацией) лирическим героем тела земли, страдания которой он проецирует на себя:

Не придя к конечному пределу
И земной любви не утоля,
Твоему страдающему телу
Причащаюсь, темная земля.

[Волошин, 2003: 84]

Совпадение ли это с антропософскими воззрениями на жизнь и смерть или их латентное опосредованное влияние на писателя через ближний круг общения,

не так важно с онтогерменевтических позиций: в рассказе Грина, писателя, метод которого определяют как «реалистический романтизм», «поэтический реализм», «сказочный реализм» (Т.Ю. Дикова), дана имагинативная реальность в высшем её проявлении, которую постигает главный герой в момент смерти, то есть перехода в другое состояние.

Заключение

Актуальность проделанного онтогерменевтического анализа представляется очевидной прежде всего с точки зрения культурфилософской. Конец Нового времени в России ознаменовался поиском физического бессмертия, иногда принимавшего парадоксальные формы, что отодвинуло смерть в «дальний угол» (Ф. Арьес); человечество пошло по пути десакрализации смерти, оно потеряло связь с сакральным, священным. Однако художники слова переосмыслили проблемы Танатоса, не абстрагируясь от этого, а, напротив, приближаясь к *инобытию*. Так, рассказ А. Грина «Загадка предвиденной смерти» обнажает онтологическую несостоятельность метафизически отрешенного (ученый Коломб, скептик фельетонист) конца Нового времени человека, «ночное» или пороговое сознание которого, выражаясь апофатиче-

ским антропософским языком, не развито. Апофатический метод позволяет познать предельные сущности культуры, феномен смерти в данном случае. Писатели, художники, по мысли Ж.-Л. Марьона, опускаются «ниже уровня видимости» [Марьон, 210: 58]. Грин показал в небольшом рассказе *имагинативное проживание смерти*, о котором в начале XX в. в своих лекциях говорил философ и антропософ Рудольф Штейнер, повлиявший на многих представителей Серебряного века, в том числе и на М. Волошина, соседа и друга по мифической «Киммерии» автора рассказа «Загадка предвиденной смерти».

Сегодняшний день апофатичен. Распространение коронавирусной инфекции, напряженная работа социальных институтов смерти, экономический кризис, непрекращающиеся военные действия в мире погружают человечество в энтропийное состояние, духовный кризис, который или разрешится гибелью, или приведет к новой жизни. Разговор об искусстве слова, его «дне вчерашнем», в онтогерменевтическом аспекте позволяет выстроить вертикальную трансмиссию культуры, приблизиться к *апофатическому горизонту* отечественной словесности, которая сегодня, в кризисное время, помогает разрешить многие проблемные вопросы, в том числе танатологического характера.

Список литературы:

- Марьон Ж.-Л. Перекрестья видимого. — Москва : Прогресс-традиция, 2010. — 172 с.
- Брагинская Н.В. Свет вечерний и свет не вечерний / Н.В. Брагинская, А.И. Шмаина-Великанова // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. Материалы конференции в честь юбилея Ольги Александровны Седаковой. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт мировой культуры, Университет Д. Пожарского. — Москва : Университет Д. Пожарского, 2013. — С. 73–92.
- Энгстрем М. Апофатика и юродство в современной русской литературе // Slovo : Journal of Slavic Languages and Literatures. — 2010. — Vol. 51. — P. 129–140.
- Татарина О.В. Принципы апофатической поэтики в творчестве А. И. Введенского // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 7. — С. 357–359.
- Елпова М.Ю. Эстетика В. А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. — 2012. — № 4. — С. 176–178.
- Исупов К.Г. Герменевтика Мандельштама («Разговор о Данте») // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2018. — Т. 19, № 2. — С. 287–300.

- Dudareva M.A. Apophatic elements in the poetry of S. A. Yesenin: Thanats' characters // *Amazonia Investiga*. — 2019. — Vol. 8, № 22. — P. 1–57.
- Дударева М.А. Апофатика русского языка и культуры в творчестве Н. С. Гумилева (на примере стихотворения «Жираф») // *Наследие веков*. — 2020. — № 1. — С. 98–104. — DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.009.
- Грачев В.И. Культурфеномен апофатики «Диалектики мифа» А. Ф. Лосева в контексте топохронно-аксиогенной парадигмы культуры // *Культура культуры*. — 2019. — № 3. — С. 10.
- Гуревич П. Наука в горизонте апофатики / П. Гуревич, Э. Спинова // *Философская антропология*. — 2019. — Т. 5, № 1. — С. 6–25. — DOI: 10.21146/2414-3715-2019-5-1-6-25.
- Варава В.В. Философская танатология или апофатическая философия? // *Научные ведомости Белгородского государственного университета Серия: Философия Социология Право*. — 2013. — № 2. — С. 112–118.
- Панченко А.М. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. / А.М. Панченко, И.П. Смирнов // *Труды Отдела древнерусской литературы*. — 1971. — Т. 26. — С. 33–49.
- Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // *Время и бытие: Статьи и выступления*. — Москва : Республика, 1993. — С. 192–220.
- Океанский В.П. Этосы жизни и смерти у Хомякова и Шопенгауэра (культурологические размышления к обоснованию сопоставления) // *Соловьёвские исследования*. — 2011. — № 3. — С. 125–136.
- Кржижановский С. Поэтика заглавий. — Москва : Никитинские субботники, 1931. — 34 с.
- Достоевский Ф.М. Идиот : Роман : в 4 ч. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6. — Москва : Художественная литература, 1957. — 736 с.
- Грин А. Загадка предвиденной смерти // *Собрание сочинений* : в 6 т. Т.2. — Москва : Правда, 1965. — С. 444–450.
- Штейнер Р. Учение о метаморфозе // *Мировоззрение Гете*. — Санкт-Петербург : Деметра, 2011. — С. 86–135.
- Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем : в 3 т. Т. 1. : Стихотворения. — Москва : Прогресс-Плеяда, 2009. — 808 с.
- Масинг-Делич А. Упразднение смерти : миф о спасении в русской литературе XX века. — Санкт-Петербург : БиблиоРосика ; Бостон : Academic Studies Press, 2020. — 462 с.
- Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. — Москва: Прогресс-академия, 1992. — 526 с.
- Палачева В.В. Светотени Руанского собора (на материале цикла стихотворений М. А. Волошина «Руанский собор») // *Культура и текст*. — 2005. — № 9. — С. 60–67.
- Пинаев С.М. Близкий всем, всему чужой... Максимилиан Волошин в историко-культурном контексте серебряного века. — Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2009. — 341 с.
- Штейнер Р. Человек — иероглиф вселенной : Соответствия между микрокосмом и макрокосмом. — Москва : Энигма, 2019. 320 с.
- Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 1 Стихотворения и поэмы 1899-1926. — Москва : Эллис Лак 2000, 2003. — 606 с.

References:

- Marion, J.-L. (1996) *La croisée du visible*. Paris: Presses Universitaires de France. (Russ. ed.: Marion, J.-L. (2010) *Perekrest'ja vidimogo*. Moscow: Progress-Tradition.)
- Braginskaya, N. V. and Shmaina-Velikanova, A. I. (2013) 'Svet vechernij i svet nevechernij [Fading and Unfading Light]', in Markov, A. V (ed.) *Dva venka : posvashchenie Ol'ge Sedakovo*. Moscow: Univ. Dmitrija Požarskogo Publ., pp. 73–92. (In Russian)
- Engström, M. (2010) 'Apophaticism and Jurodstvo in Contemporary Russian Literature [Literature]', *Slovo : Journal of Slavic Languages and Literatures*, 51, pp. 129–140. (In Russian)

- Tatarinova, O. V. (2011) 'Principles of apophatic poetics in works of A. I. Vvedensky', *Theory and Practice of Social Development*, (7), pp. 357–359. (In Russian)
- Elepova, M. Y. (2012) 'V. A. Zhukovsky's Aesthetics in the Apophatic Context', *Discussion*, (4), pp. 176–178. (In Russian)
- Isupov, K. G. (2018) 'Hermeneutics of Mandelstam ("Conversation about Dante")', *Review of the Christian Academy for the Humanities*, 19(2), pp. 287–300. (In Russian)
- Dudareva, M. A. (2019) 'Apophatic elements in the poetry of S. A. Yesenin: Thanats' characters', *Amazonia Investiga*, 8(22), pp. 1–57.
- Dudareva, M. A. (2020) 'The Apophatics of the Russian Language and Culture in the Works of Nikolay Gumilyov (on the Example of the Poem "The Giraffe")', *Nasledie Vekov*, (1), pp. 98–104. doi: 10.36343/SB.2020.21.1.009. (In Russian)
- Grachev, V. I. (2019) 'Cultures the phenomenon of apophatic "the Dialectics of myth" by A. F. Losev in the context topochron-axiogenic paradigm of culture', *Culture of Culture*, (3), p. 10. Available at: <http://cult-cult.ru/cultures-the-phenomenon-of-apophatic-the-dialectics-of-myth-by-a-f-losev/> (Accessed: 14 March 2021). (In Russian)
- Gurevich, P. and Spirova, E. (2019) 'Science in the Apophatic Horizon', *Philosophical anthropology*, 5(1), pp. 6–25. doi: 10.21146/2414-3715-2019-5-1-6-25. (In Russian)
- Varava, V. V. (2013) 'Filosofskaja tanatologija ili apofaticheskaia filosofija? [Philosophical thanatology or apophatic philosophy?]', *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo.*, (2), pp. 112–118. (In Russian)
- Panchenko, A. M. and Smirnov, I. P. (1971) 'Metaforicheskie arhetipy v russkoj srednevekovoj slovesnosti i v poezii nachala XX veka [Metaphorical archetypes in Russian medieval literature and poetry of the early 20th century]', *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*, 26, pp. 33–49. (In Russian)
- Heidegger, M. (1947) *Über den Humanismus*. Frankfurt am Main: Klostermann. (Russ. ed.: Heidegger, M. (1993) 'Pis'mo o gumanizme', in *Vremja i bytie : stat'i i vystuplenija*. Moscow: Respublika Publ.)
- Okeanskiy, V. P. (2011) 'Ethos of life and death in Khomyakov and Schopenhauer's works (culturological reflections to proof of comparison)', *Solovyov studies*, (3), pp. 125–136. (In Russian)
- Krzhizhanovskij, S. (1931) *Pojetika zaglavij [Poetics of titles]*. Moscow: Nikitinskie subbotniki Publ. (In Russian)
- Dostoevsky, F. M. (1957) *Idiot. Collected works in 10 vol. Vol. 6*. Moscow: Khud. Lit. Publ. (In Russian)
- Grin, A. (1965) 'Zagadka predvidennoj smerti [The Mystery of Foreseen Death]', in *Collected works : in 6 vol. Vol. 2*. Moscow: Pravda Publ., pp. 444–450. (In Russian)
- Steiner, R. (1918) 'Die Metamorphosenlehre', in *Goethes Weltanschauung*. Berlin: Philosophisch-antroposophischer Verlag, pp. 81–124. (Russ. ed.: Steiner, R. (2011) 'Uchenie o metamorfoze', in *Mirovozzrenie Gete*. Saint Petersburg: Demetra Publ., pp. 86–135.)
- Mandelstam, O. E. (2009) *Polnoe sobranie socinenij i pisem v 3 t. T. 1 : Stihotvorenija [Complete works and letters: in 3 vol. Vol. 1: Poems]*. Moscow: Progress-Plejada Publ. (In Russian)
- Masing-Delic, I. (1992) *Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature*. Stanford, CA: Stanford University Press. (Russ. ed.: Masing-Delic, I. (2020) *Uprazdenie smerti : mif o spasenii v russkoj literature XX veka*. Saint Petersburg: BiblioRossika Publ.; Boston: Academic Studies Press.)
- Aries, P. (1977) *L'Homme devant la mort*. Paris: Seuil. (Russ. ed.: Aries, P. (1992) *Chelovek pered litsom smerti*. Moscow: Progress-Akademiia Publ.)
- Palacheva, V. V. (2005) 'Svetoteni Ruanskogo sobora (na materiale cikla stihotvorenij M. A. Voloshina Ruanskij sobor) [Chiaroscuro of the Rouen Cathedral (based on the cycle of poems by M.A. Voloshin Rouen Cathedral)]', *Kul'tura i tekst*, (9), pp. 60–67. (In Russian)
- Pinaev, S. M. (2009) *Blizkij vsem, vsemu cuzaj ... : Maksimilian Volosin v istoriko-kulturnom kontekste serebrjanogo veka [Close to everyone, alien to everything: Maximilian Voloshin in the historical and cultural context of the Silver Age]*. Moscow: Rossijskij universitet druzby narodov Publ. (In Russian)
- Steiner, R. (1987) *Entsprechungen zwischen Mikrokosmos und Makrokosmos : der Mensch-eine Hieroglyphe des Weltenalls. Dornach: Rudolf Steiner Verlag*. (Russ. ed.: Steiner, R. (2019) *Chelovek — ieroglif vselejnoj: Sootvetstvija mezdu mikrokosmom i makrokosmom*. Moscow: Enigma Publ.)
- Voloshin, M. A. (2003) *Sobranie socinenij Tom 1, Tom 1 [Collected Works. T. 1. Poems 1899 - 1926]*. Moscow: Ellis Lak 2000 Publ. (In Russian)

Информация об авторе

Марианна Андреевна Дударева — докторант Шуйского филиала Ивановского государственного университета, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка № 2 ФРЯиОД Российского университета дружбы народов (Россия)

Наталья Зиновьевна Кольцова — доцент, кандидат филологических наук, МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Marianna A. Dudareva — Doctorate Student, Shuya Branch of Ivanovo State University; PhD (Philology), Senior lecturer, Russian language department No. 2, Faculty of Russian Language and General Educational Disciplines, Peoples' Friendship University of Russia (Russia)

Natalia Z. Koltsova — PhD (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 11.01.2021; одобрена после рецензирования 23.02.2021; принята к публикации 03.03.2021.

The article was submitted 11.01.2021; approved after reviewing 23.02.2021; accepted for publication 03.03.2021.